

Уход Деникина с поста главного командующего историк убедительно объясняет предательством со стороны группы представителей высшего командного состава, включая А.П. Кутепова. Именно его слова о том, что добровольцы более не доверяют своему вождю, стали для Антона Ивановича «финальным ударом», после которого он заявил о желании уйти в отставку и поручил Военному совету избрать себе преемника (II, с. 223—227). Конечно, на протяжении всего его правления «в газетах регулярно появлялись сообщения о поимке большевиков и о расправе над ними», но «для остальных законопослушных граждан со свободой было намного лучше, чем при красной власти». Поэтому, полагает М.В. Владимирский, «среднего обывателя деникинский режим устраивал практически до конца 1919 года. И на этом фоне пышно расцвели и легальная политическая жизнь, и культура» (II, с. 241).

Владлен Измозик

Православное духовенство Крыма в годы великих потрясений*

Vladlen Izmozik

(Bonch-Bruevich Saint Petersburg State University of Telecommunications, Russia)

Orthodox clergy of Crimea during the years of great upheavals

DOI: 10.31857/S086956870016609-0

За последние 30 лет в нашей стране появилось немало работ, посвящённых положению различных конфессий в период Великой российской революции 1917—1922 гг. В них не раз освещались взаимоотношения духовенства и верующих с государством на разных этапах — от падения монархии до окончания Гражданской войны, и процессы, протекавшие внутри Церкви, и специфика отдельных регионов,

Примечания

¹ Надинский П.Н. Очерки по истории Крыма. Ч. II. Симферополь, 1957. С. 194.

² Ульянов Д.И. Очерки разных лет. Воспоминания, переписка, статьи. М., 1984. С. 268.

³ Государственный архив Республики Крым, ф. П-150, оп. 1, д. 776, л. 1.

⁴ Зарубин А.Г., Зарубин В.Г. Без победителей: из истории Гражданской войны в Крыму. Симферополь, 1997. С. 209.

⁵ Шидловский С.Н. Записки белого офицера. СПб., 2007. С. 27.

⁶ РГАСПИ, ф. 17, оп. 65, д. 43, л. 35.

⁷ Подробнее см.: Ходяков М.В. Деньги революции и Гражданской войны. Изд. 2. СПб., 2018.

⁸ О владыке Вениамине (Федченкове) см.: Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб., 2020. С. 326—365.

⁹ Надинский П.Н. Указ. соч. С. 219.

и судьбы иерархов. Вместе с тем, естественно, в этой огромной и ещё недостаточно изученной теме до сих пор остаётся много лакун. Поэтому появление новой монографии, базирующейся на солидном массиве источников и литературы, стремящейся к объективной оценке происходивших событий, к пониманию духовной жизни исследуемого времени, не может не привлекать внимание историков.

* Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.

В монографии А.С. Пученкова и В.В. Калиновского православное духовенство показано активным участником коренного перелома в жизни одной из окраин России — Крымского полуострова. Этот пограничный регион в полной мере испытал на себе и удары неприятеля в конце Первой мировой войны, и братоубийственное революционное лихолетье. Местному клиру приходилось вместе с паствой приспосабливаться к новым политическим режимам, сменявшим друг друга. Пученкову и Калиновскому удалось многогранно показать эту метаморфозу, осмысление которой важно для понимания трагедии Русской Церкви в XX в.

К числу безусловных достоинств монографии следует отнести её фундаментальность. Авторами привлечены материалы из архивов Крыма, Санкт-Петербурга, Москвы, США. Многие из них впервые вводятся в научный оборот и заставляют по-новому взглянуть на, казалось бы, хорошо известные эпизоды. В частности, новаторски представлено участие епископа Вениамина (Федченкова) в заговоре против А.И. Деникина и раскрыта важная роль духовенства в приходе к власти в Белом движении барона П.Н. Врангеля. Документы из РГА ВМФ позволили описать служение архиепископа Таврического Дмитрия (Абашидзе) на Черноморском флоте во время Первой мировой войны. Особо стоит отметить внимательную и кропотливую работу Пученкова и Калиновского со столичной и крымской периодикой 1917—1920 гг.

Книга имеет чёткую и продуманную структуру. Три её главы («Таврическая епархия в годы Первой мировой войны», «От надежд — к тревогам: Таврическая епархия в 1917 г.» и «Таврида, кровью умытая») соответствуют основным поворотам в ходе великих потрясений.

В первой главе прослеживается активное участие священнослужителей в патриотических манифестациях, организации благотворительной помощи воинам и членам их семей и т.п. При этом архиепископ Димитрий (Абашидзе) сопровождал Черноморский флот во всех походах с мая 1915 по начало апреля 1916 г., пробыв на боевых кораблях почти 11 месяцев, и неоднократно оказывался вместе с командой под огнём неприятеля. Эту службу архиерей сочетал с управлением Таврической епархией. Кроме обычных административных забот, многократно умножившихся после начала войны, он поддерживал усилия губернатора Н.Н. Лавриновича по успокоению антинемецких настроений в губернии, где немцы составляли около 6% населения и занимали достаточно важные позиции в экономической и общественной жизни. В августе 1914 г. владыка подготовил и издал в виде небольшой брошюры обращение к верующим, которых предостерегал против межнациональной вражды (с. 57). «Мы должны, — заявлял он, — мы обязаны пред Богом... проявлять особенную нежную братскую любовь к тем нашим соотечественникам, которые по происхождению и языку отличаются от нас, ибо всякая малейшая даже небрежность с нашей стороны к ним особенно болезненно отзовётся в их любящем русском отечестве сердце» (с. 58). Проповедь епископа, безусловно, способствовала тому, что в Таврической губ. борьба с «немецким засильем» свелась в основном к переименованию улиц и населённых пунктов. В либеральной печати в рассуждениях тогда ещё епископа Дмитрия увидели довод против изъятия собственности у немецких землевладельцев. Известный журналист и издатель Б.А. Суворин даже обвинил его в защите экономических интересов немцев и в стремлении уго-

дить этим обер-прокурору Св. Синода В.К. Саблеру (с. 59—60, 63—64). В защиту преосвященного несколько раз выступила симферопольская газета «Южное слово», близкая к губернской администрации (с. 64—67). В результате, став вскоре архиепископом, он всячески демонстрировал приверженность к правым монархическим организациям. В частности, весной 1916 г. при его поддержке появилась брошюра сельского священника П. Парнасова «Вопль русской души», резко осуждавшая немцев Тавриды.

Впрочем, авторы уделяют внимание не только колоритной фигуре местного предстоятеля. Не менее подробно они рассказывают о героизме флотских священников и мужественном поведении духовенства во время обстрелов Феодосии и Ялты в 1914—1915 гг. Для содействия больным и раненым воинам и семьям солдат в епархии создавались попечительские советы, оказывавшие денежную, продовольственную и иную материальную помощь оставшимся без кормильцев. В Крыму открылось тогда множество госпиталей, в том числе и небольшие церковные лазареты. В храмах в 1915 г. шёл сбор средств на нужды государственной обороны, в конце 1916 г. в них звучали призывы к приобретению облигаций военного займа. Одновременно военнотружущим посылались необходимые на фронте вещи, увековечивалась память павших героев-воинов, проявлялась забота о беженцах, появившихся в городах Крыма после поражений русской армии летом 1915 г. И всё же нараставшим с конца 1915 г. экономическим трудностям духовенство могло противопоставить лишь слова молитвы и проповедей.

Во второй главе анализируется реакция крымских священнослужителей на процессы, происходившие в 1917 г. По мнению авторов, «революционные события оказались неожиданностью

для всех слоёв общества» (с. 160). С этим, конечно, нельзя согласиться. Наоборот, хорошо известно, что с конца 1916 г. приближение катастрофы остро ощущалось в российском обществе, хотя, разумеется, никто не знал, когда именно она разразится. Поэтому неудивительно, что и местные пастыри, даже наиболее консервативные, и их паства, включая чиновников, мгновенно приветствовали свержение монархии, а гражданские и духовные власти даже соревновались в скорейшем выражении лояльности революционному режиму. Архиепископ Димитрий 8 марта телеграфировал М.В. Родзянко, что узнал известие об отречении Николая II и существовании Временного правительства только 4 марта в 12 часов дня и «беспрекословно принял решение повиноваться». Владыка опасался, что кн. С.В. Горчаков, управлявший губернией с конца января 1916 г., мог донести в Петроград о нежелании архиепископа сообщать верующим о произошедшем перевороте и отменять поминовение императора в церквях. Между тем ещё 5 марта в «Послании пастве Таврической» архиерей утверждал, что «ныне Сам Царь небесный занял престол русского царства, дабы Он единый всесильный был верным помощником нашим в постигшей нас великой скорби, в бедствиях, нагнанных на нас бывшими руководителями государственной жизни нашей» (с. 165). А весьма деятельный протоиерей А.П. Эндека, неоднократно выезжавший на фронт в 1914—1916 гг., награждённый несколькими орденами и многократно выступавший с патристическими лекциями, в тот же день с восторгом ораторствовал на митингах как «непримиримый враг всего прошлого и страстный защитник нового порядка». Симферопольское пастырское собрание 7 марта решило «временно, до утишения страстей» снять

в духовных и церковных школах портреты особ Императорской фамилии. Священники произносили проповеди о жертвах свободы, о том, что падение царизма стало возмездием за преступное отношение правящей династии к своему долгу, призывали к единству и поддержке Временного правительства.

Единичные монархисты подвергались тогда порицанию со всех сторон. Так, архимандрит Адриан (Демидович) произнёс 5 марта проповедь против революции и интеллигенции (её текст выявлен авторами в РГИА), и в мае его перевели в Курскую епархию. Весной 1917 г. в Мелитопольском уезде крестьяне начали арестовывать «наиболее ретивых черносотенных батюшек», некоторые клирики стали использовать политические доносы в личных целях, а возникший Симферопольский союз демократического духовенства и мирян развивал идеи радикальных преобразований в Церкви. Повсеместно шла организация приходских советов с участием прихожан и даже прихожанок. Состоявшийся же в мае епархиальный съезд клира и мирян выявил наметившиеся разногласия: одни ратовали за свободу и поддержку завоеваний революции, у других сформировалось враждебное или выжидательно-пассивное отношение к ней.

Тем временем на протяжении 1917 г. как в губернии, так и в стране в целом нарастали антицерковные настроения. В июне несколько команд Черноморского флота потребовали призвать в армию всех годных к военной службе монахов, поскольку «их деятельность в монастырях бесполезна». О слабости влияния Церкви на общество свидетельствовали и летние выборы в органы местного самоуправления. Их первым заседаниям во многих городах предшествовали торжественные молебны, однако в Севастополе Союз духовенства

и мирян собрал всего 366 голосов и провёл в городскую думу лишь одного кандидата, столько же представителей имелось у него в Керчи и Алуште. К октябрю многие сельские общества Крыма ходатайствовали об изъятии церковных земель и передаче их крестьянским обществам. Отвечать на подобные вызовы духовенство как корпорация оказалось не в состоянии.

Третья глава, название которой отсылает к роману А. Весёлого «Россия, умытая кровью», рассказывает о противоречивых попытках православных иерархов взаимодействовать с правительствами в Крыму в 1918—1920 гг. Первым кровавым событием, потрясшим многих жителей, стал самострел группой матросов в Севастополе в декабре 1917 г. семи офицеров и священника М. Чефанова, оправданного накануне революционным судом. При этом Севастопольский совет военных и рабочих депутатов, осудивший эту расправу, не смог или не захотел разыскать и наказать убийц. Их безнаказанность привела к новым убийствам священнослужителей. Под влиянием толков о том, что в Симферополе на колокольне кафедрального собора установлен пулемёт, храм был обстрелян, а его настоятель арестован. Проявив личное мужество, владыка Димитрий отправился в революционный штаб и убедил его создать комиссию для проверки ложного слуха. 14 апреля архиепископ писал патриарху Тихону: «Одному только Богу ведомо, что терпим мы здесь в Крыму, ставшем вторым Кронштадтом... Нас, церковных людей, всячески донимают» (с. 317). В конце апреля, когда Крым оккупировали германские войска, преосвященный Димитрий обратился к жителям Симферополя с посланием, в котором напомнил про «ужасные дни», прожитые под властью большевиков, призывал верующих дистанцировать-

ся от любой политической власти, отказаться от «взаимного истребления» и жить в мире «со всеми своими согражданами», к каким бы народам они ни принадлежали (с. 319—320). В ноябре 1918 г., после поражения Германии в Первой мировой войне, созданное немцами в Крыму марионеточное правительство генерала М.А. Сулькевича, готовившего проведение «Крымского поместного собора», уступило власть коалиционному правительству учёного-агронома кадета С.С. Крыма. Министром народного просвещения, культов и здравоохранения «против своей воли» стал эсер С.А. Никонов. Священнослужители вызывали у него отвращение. Тем не менее он подготовил законопроект, предусматривавший выдачу скудного единовременного пособия «бедствовавшему сельскому духовенству, которое осталось практически без средств к существованию» (с. 324—325). Но уже в конце апреля 1919 г. на полуострове образовалась Крымская Советская Социалистическая Республика во главе с Д.И. Ульяновым, продержавшаяся всего 75 дней. Характерно, что и в эти два с половиной месяца не обошлось без разграбления некоторых обитателей и убийства отдельных представителей клира (с. 331).

В июне 1919 г. Крым заняли войска А.И. Деникина. Крымчане нередко ждали белых как «освободителей», но первые же их действия и безрассудная жестокость многих разочаровали. В этой ситуации 22 августа епископ Севастопольский Вениамин (Федченков), ставший в феврале викарием Таврической епархии, направил Деникину письмо, в котором утверждал, что его армия «пошла в значительной части по пути разгула: массовые аресты, расстрелы по деревням, нещадные реквизиции, неразборчивая месть имевшим хоть какое-нибудь отношение к большевизму». В результате в

тылу Добровольческой армии вновь «накаплиется горючий материал». При этом иерарх был вовсе «не против наказаний, даже и решительных, где они необходимы», и всячески сочувствовал борьбе с большевизмом (с. 333—335). К сожалению, авторы умалчивают о реакции генерала на это обращение. Впоследствии владыка принял активное участие в заговоре против Деникина, агитируя в пользу барона Врангеля, при котором, по мнению авторов, «фактически сам себя назначил» на должность управляющего военным и морским духовенством, вошёл в состав Совета министров и даже прослыл «вдохновителем церковного антисемитизма» (с. 369). После неудач войск Врангеля Временное высшее церковное управление инициировало проведение 12—14 сентября 1920 г. дней покаяния (приурочив их к празднованию Воздвижения Честного и Животворящего Креста Господня), рассчитывая молитвами и постом поднять дух армии и народа. Но добиться этого уже не удалось.

Как отмечают Пученков и Калининский, «в риторике П.Н. Врангеля постоянно присутствовали мотивы защиты попранной православной веры». По совету владыки Вениамина барон учредил в своей армии орден Св. Николая Чудотворца с девизом «Верую спасётся Россия». Учитывались церковные интересы и при подготовке аграрной реформы в Крыму. Руководивший ею А.В. Кривошеин, в прошлом — один из ближайших сподвижников П.А. Столыпина, предлагал передать крестьянам поместья крупных землевладельцев. Приходская и монастырская собственность оставалась при этом неприкосновенной, что не нравилось арендовавшим её крестьянам. Врангель просил архиепископа Димитрия, чтобы епархия, поддержав земельную реформу, добровольно отказалась хотя бы от части

своих владений. Однако Временное высшее церковное управление сочло подобную жертву несвоевременной, а отторжение церковного имущества допускало лишь по согласованию в каждом конкретном случае с духовным ведомством. В ноябре 1920 г. вместе с Врангелем Крым покинуло немало представителей духовенства, прекрасно понимавших, что может их ожидать в Советской России. Другие, включая архиепископа Димитрия, решили остаться на родной земле и разделить с верующими предстоящие гонения.

Завершает книгу небольшая глава «Вместо послесловия», рассказывающая о последующей судьбе 11 героев исследования. Восемь из них под-

вергались репрессиям. В частности, преосвященный Димитрий (Абашидзе) в 1920—1930-х гг. неоднократно оказывался под арестом и скончался 1 ноября 1942 г. в оккупированном немцами Киеве. Не менее причудливо сложился путь владыки Вениамина (Федченкова), жившего в эмиграции в 13 странах и вернувшегося в СССР в 1948 г. митрополитом.

К сожалению, авторы не исследовали отношения клириков Таврической епархии с мусульманами и иудеями. Да и о священнослужителях Черноморского флота в книге можно найти лишь отдельные упоминания. Но это ни в коей мере не умаляет ценности работы, проделанной А.С. Пученковым и В.В. Калиновским.

* * *

Юлия Бирюкова

Под сенью православного креста: духовенство Крыма в 1914—1920 гг.*

Yulia Biryukova

(Don State Technical University, Rostov-on-Don; Saint Petersburg State University, Russia)

In the shadow of the Orthodox cross: the clergy of the Crimea in 1914—1920

DOI: 10.31857/S086956870016600-1

Монография А.С. Пученкова и В.В. Калиновского — первое специальное исследование, посвящённое крымскому духовенству 1914—1920 гг. и обобщающее результаты их многолетней работы, уже отразившейся в ряде публикаций¹. Авторы попытались «объективно и без замалчиваний разобраться в истоках этой трагедии, понять мотивации действий духовенства на сломе эпох» (с. 23—24). Их труд изначально осложняла ограни-

ченность источниковой базы, связанная с тем, что в 1920—1930-е гг. в архивах производились чистки, в ходе которых сохранялись преимущественно документы, передававшие отталкивающие черты духовенства (с. 20). Поэтому материалы приходилось искать не только в Москве, Санкт-Петербурге и Республике Крым, но и в Бахметьевском архиве в Колумбийском университете (США). Обращались авторы и к фондам РГА ВМФ и РГАЛИ,

Материал подготовлен в Санкт-Петербургском государственном университете при поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00266 «Религиозный фактор в России в годы Гражданской войны: феномен, значение и региональная специфика».

¹ Пученков А.С., Калиновский В.В. Духовный форпост России: православное духовенство Крыма в 1914—1920 годах. СПб.: Владимир Даль, 2020. 407 с.